

Валентина Осеева (1902–1969) – советская детская писательница. Её произведения неоднократно экранизировались, а за повесть "Васёк Трубачёв и его товарищи" писательница стала лауреатом Сталинской премии 3-й степени. В книгу "Синие листья. Сказки и рассказы" вошли наиболее читаемые в школе произведения автора о жизни ребят. Рисунки А. Кукушкина.

Содержание:

- Рассказы1
 - Синие листья1
 - Волшебное слово1
 - Бабушка и внучка1
 - Время2
 - Рекс и Кекс2
 - Труд согревает2
 - Хорошее2
 - Навестила2
 - До первого дождя2
 - Случай2
 - Три товарища3
 - Сыновья3
 - Отомстила3
 - Обидчики3
 - Плохо3
 - Просто старушка3
 - Строитель3
 - На катке3
 - Чего нельзя, того нельзя4
 - Печенье4
 - Лекарство4
 - Кто наказал его?4
 - Почему?4
 - Сказки5
 - Волшебная иголочка5
 - Добрая хозяйка6

Валентина Александровна Осеева
Синие листья. Сказки и рассказы

Рассказы

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

– Дай мне зелёный карандаш.

А Катя и говорит:

– Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

– Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

– Мама-то позволила, а брата я не спросила.

– Ну что ж, спроси ещё у брата, – говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

– Ну что, позволил брат? – спрашивает Лена.

– Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

– Я осторожненько, – говорит Лена.

– Смотри, – говорит Катя, – не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.

– Мне, – говорит Лена, – только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

– Это много, – говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:

– Ну, что ж ты? Бери!

– Не надо, – отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

– Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

– Карандаша зелёного нет.

– А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:

– Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

– Надо так давать, чтобы можно было взять.

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, – сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

– С тобой что-то случилось?

– Ну и ладно! А вам-то что? – покосился на него Павлик.

– Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

– Ещё бы! – сердито буркнул мальчик. – Я скоро совсем уйду из дому.

– Убежишь?

– Уйду! Из-за одной Ленки уйду. – Павлик сжал кулаки. – Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

– Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

– Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

– Пустяки! – сказал старик. – Один поругает, другой пожалеет.

– Никто меня не жалеет! – крикнул Павлик. – Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: "Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла уташу, сам в лодку залезу!"

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

– Что же, не берёт тебя брат?

– А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни – тихим голосом, глядя прямо в глаза...

– А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

– Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

– Я попробую, – усмехнулся Павлик, – я сейчас же попробую. – Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски – зелёные, синие, красные – лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

"Обманул старик! – с досадой подумал мальчик. – Разве такая поймёт волшебное слово!.."

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

– Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

– Какую тебе?

– Мне синюю, – робко сказал Павлик. Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

"Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?"

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

– Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

– Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! – приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

"Волшебник! Волшебник!" – повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

– Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

– Возьми его, – вдруг сказала сестра. – Что тебе стоит!

– Ну, отчего же не взять? – улыбнулась бабушка. – Конечно, возьми.

– Пожалуйста, – повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

– Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

"Помогло! Опять помогло!"

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Бабушка и внучка

Мама принесла Тане новую книгу.

Мама сказала:

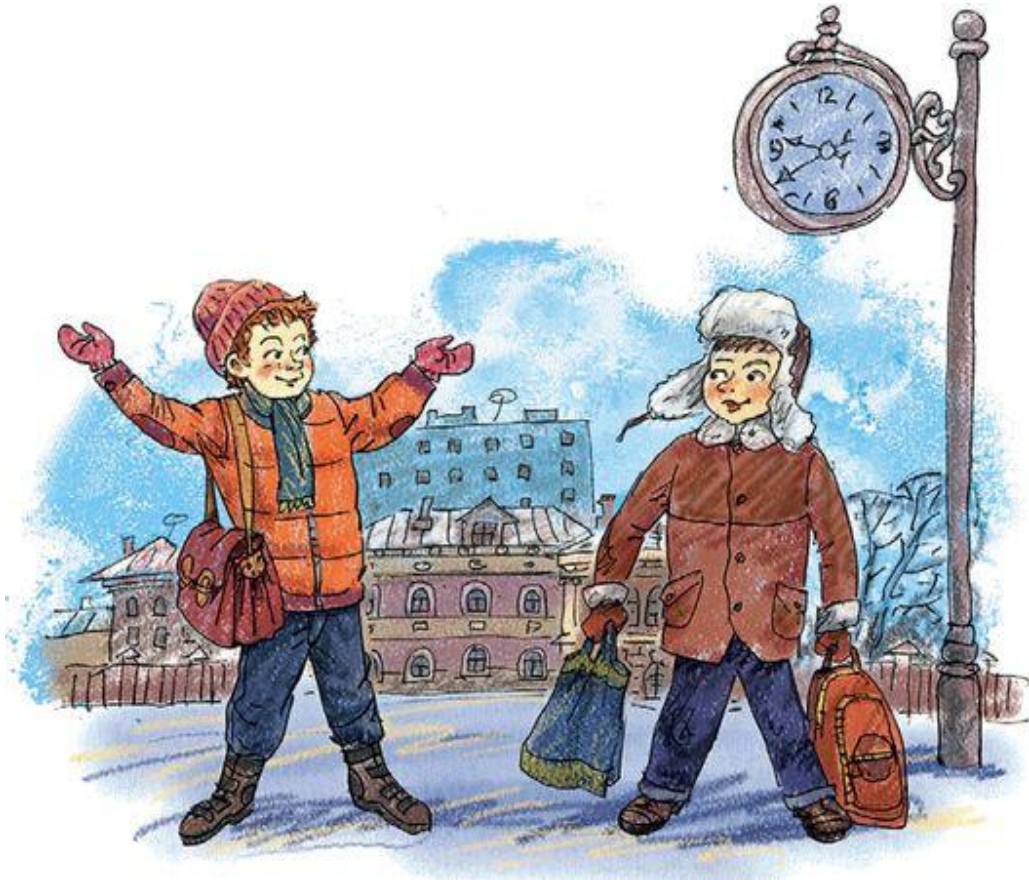
– Когда Таня была маленькой, ей читала бабушка; теперь Таня уже большая, она сама будет читать бабушке эту книгу.

– Садись, бабушка! – сказала Таня. – Я прочитаю тебе один рассказик.

Таня читала, бабушка слушала, а мама хвалила обеих:

– Вот какие умницы вы у меня!

Время

Два мальчика стояли на улице под часами и разговаривали.

– Я не решил примера, потому что он был со скобками, – оправдывался Юра.

– А я потому, что там были очень большие числа, – сказал Олег.

– Мы можем решить его вместе, у нас ещё есть время!

Часы на улице показывали половину второго.

– У нас целых полчаса, – сказал Юра. – За это время лётчик может перевезти пассажиров из одного города в другой.

– А мой дядя, капитан, во время кораблекрушения в двадцать минут успел погрузить в лодки весь экипаж.

– Что – за двадцать!.. – деловито сказал Юра. – Иногда пять – десять минут много значат. Надо только учитывать каждую минуту.

– А вот случай! Во время одного состязания...

Много интересных случаев вспомнили мальчики.

– А я знаю... – Олег вдруг остановился и взглянул на часы. – Ровно два!

Юра ахнул.

– Бежим! – сказал Юра. – Мы опоздали в школу!

– А как же пример? – испуганно спросил Олег.

Юра на бегу только махнул рукой.

Рекс и Кекс

Слава и Витя сидели на одной парте.

Мальчики очень дружили и как могли помогали друг другу. Витя помогал Славе решать задачи, а Слава следил, чтобы Витя правильно писал слова и не пачкал свои тетради кляксами. Однажды они сильно поспорили:

– У нашего директора есть большая собака, её зовут Рекс, – сказал Витя.

– Не Рекс, а Кекс, – поправил его Слава.

– Нет, Рекс!

– Нет, Кекс!

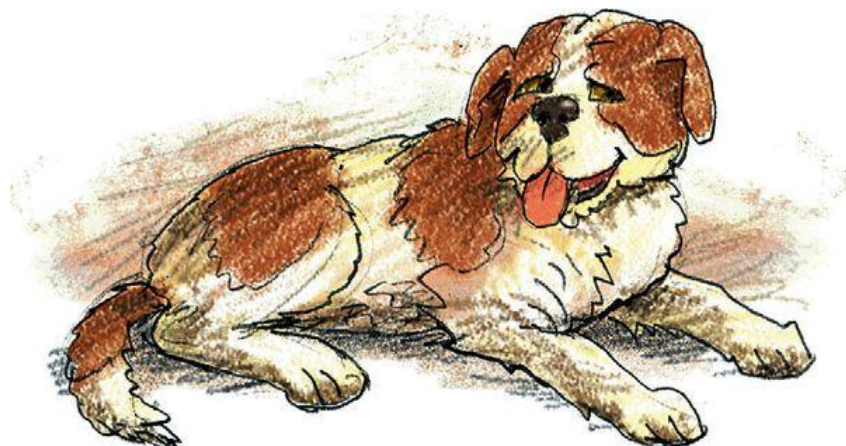
Мальчики поссорились. Витя ушёл на другую парту. На следующий день Слава не решил заданную на дом задачу, а Витя подал учителю неряшливую тетрадь. Спустя несколько дней дела пошли ещё хуже: оба мальчика получили по двойке. А потом они узнали, что собаку директора зовут Ральф.

– Значит, нам не из-за чего ссориться! – обрадовался Слава.

– Конечно, не из-за чего, – согласился Витя.

Оба мальчика снова уселись на одну парту.

– Вот тебе и Рекс, вот тебе и Кекс. Противная собака, две двойки мы из-за неё схватили! И подумать только, из-за чего люди ссорятся!..

Труд согревает

В интернат привезли дрова.

Нина Ивановна сказала:

– Наденьте свитеры, мы будем носить дрова.

Ребята побежали одеваться.

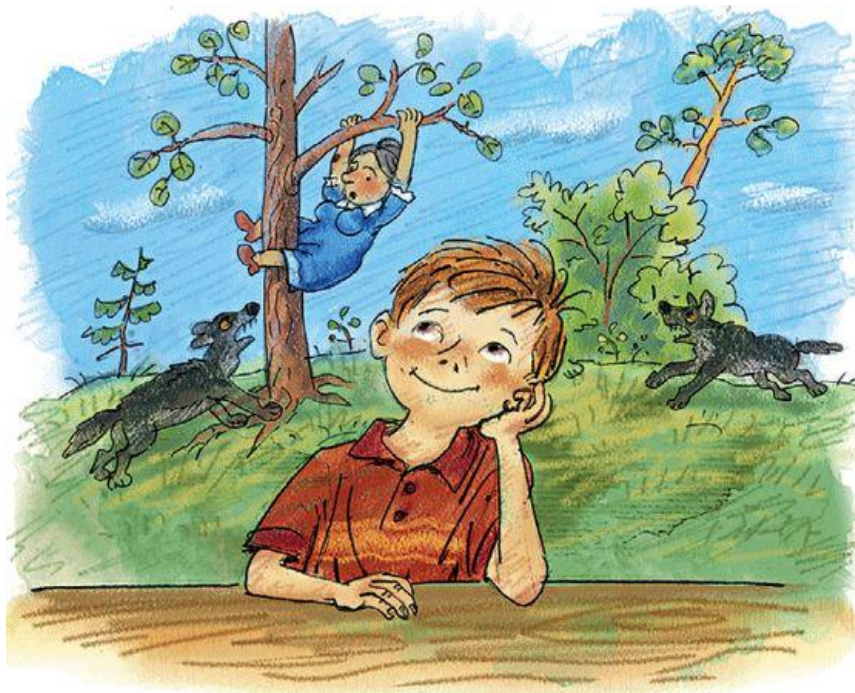
– А может быть, дать им лучше пальто? – сказала нянечка. – Сегодня холодный осенний денёк!

– Нет, нет! – закричали ребята. – Мы будем трудиться! Нам будет жарко!

– Конечно! – улыбнулась Нина Ивановна. – Нам будет жарко! Ведь труд согревает!

Хорошее

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

"Что, если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас!"

А сестрёнка тут как тут:

– Погуляй со мной, Юра!

– Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла. А Юра думает: "Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!"

А няня тут как тут:

– Убери посуду, Юрочка.

– Убери сама – некогда мне!

Покачала головой няня. А Юра опять думает:

"Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!"

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет:

"Дай мне попить, Юра!"

– Пошёл вон! Не мешай думать!

Закрыв Трезорка пасть, полез в кусты. А Юра к маме пошёл:

– Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

– Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

Навестила

Валя не пришла в класс. Подруги послали к ней Мусю.

– Пойди и узнай, что с Валею: может, она больна, может, ей что-нибудь нужно?

Муся застала подружку в постели. Валя лежала с завязанной щекой.

– Ох, Валечка! – сказала Муся, присаживаясь на стул. – У тебя, наверно, флюс! Ах, какой флюс был у меня летом! Целый нарыв! И ты знаешь, бабушка как раз уехала, а мама была на работе...

– Моя мама тоже на работе, – сказала Валя, держась за щеку. – А мне надо бы полосканье...

– Ох, Валечка! Мне тоже давали полосканье! И мне стало лучше! Как пополощу, так и лучше! А ещё мне помогала грелка горячая-горячая...

Валя оживилась и закивала головой.

– Да, да, грелка... Муся, у нас в кухне стоит чайник...

– Это не он шумит? Нет, это, верно, дождик! – Муся вскочила и подбежала к окну. – Так и есть, дождик! Хорошо, что я в галошах пришла! А то можно простудиться!

Она побежала в переднюю, долго стучала ногами, надевая галоши. Потом, просунув в дверь голову, крикнула:

– Выздоровливай, Валечка! Я ещё приду к тебе! Обязательно приду! Не беспокойся!

Валя вздохнула, потрогала холодную грелку и стала ждать маму.

– Ну что? Что она говорила? Что ей нужно? – спрашивали Мусю девочки.

– Да у неё такой же флюс, как был у меня! – радостно сообщила Муся. – И она ничего не говорила! А помогают ей только грелка и полосканье!

До первого дождя

Таня и Маша были очень дружны и всегда ходили в детский сад вместе. То Маша заходила за Таней, то Таня за Машей. Один раз, когда девочки шли по улице, начался сильный дождь. Маша была в плаще, а Таня в одном платье. Девочки побежали.

– Сними свой плащ, мы накроемся вместе! – крикнула на бегу Таня.

– Я не могу, я промокну! – нагнув вниз голову с капюшоном, ответила ей Маша.

В детском саду воспитательница сказала:

– Как странно, у Маши платье сухое, а у тебя, Таня, совершенно мокрое, как же это случилось? Ведь вы же шли вместе?

– У Маши был плащ, а я шла в одном платье, – сказала Таня.

– Так вы могли бы укрыться одним плащом, – сказала воспитательница и, взглянув на Машу, покачала головой.

– Видно, ваша дружба до первого дождя!

Обе девочки покраснели: Маша за себя, а Таня за Машу.

Случай

Мама подарила Коле цветные карандаши.
Однажды к Коле пришёл его товарищ Витя.

– Давай рисовать!

Коля положил на стол коробку с карандашами. Там было только три карандаша: красный, зелёный и синий.

– А где же остальные? – спросил Витя.

Коля пожал плечами.

– Да я раздал их: коричневый взяла подружка сестры – ей нужно было раскрасить крышу дома; розовый и голубой я подарил одной девочке с нашего двора – она свои потеряла... А чёрный и жёлтый взял у меня Петя – у него как раз таких не хватало...

– Но ведь ты сам остался без карандашей! – удивился товарищ. – Разве они тебе не нужны?

– Нет, очень нужны, но всё такие случаи, что никак нельзя не дать!

Витя взял из коробки карандаши, повертел их в руках и сказал:

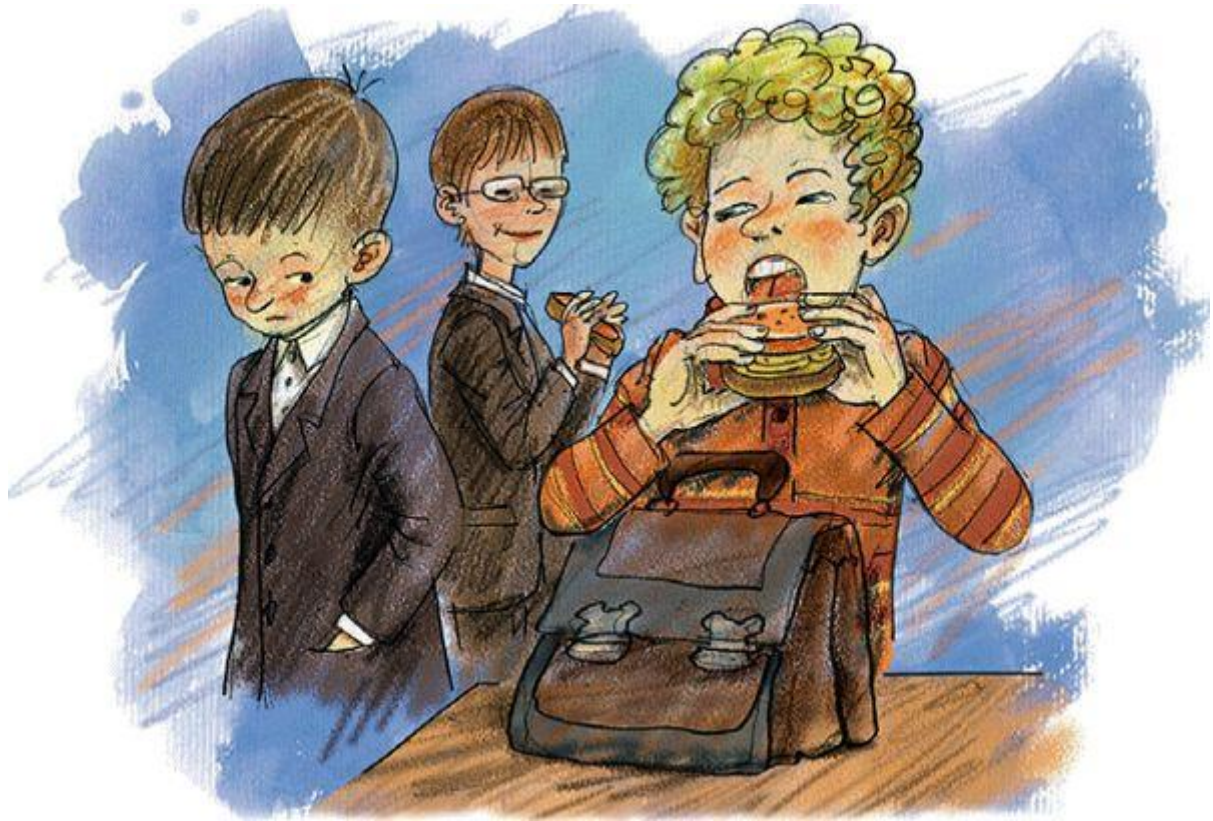
– Всё равно ты кому-нибудь отдашь, так уж лучше дай мне. У меня ни одного цветного карандаша нет!

Коля посмотрел на пустую коробку.

– Ну, бери... раз уж такой случай... – пробормотал он.

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

– Почему ты не ешь? – спросил его Коля.

– Завтрак потерял...

– Плохо, – сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. – До обеда далеко ещё!

– А ты где его потерял? – спросил Миша.

– Не знаю... – тихо сказал Витя и отвернулся.

– Ты, наверное, в кармане нёс, а надо в сумку класть, – сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

– Бери, ешь!

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел. Вот говорит одна женщина другой:

– Мой сынок ловок да силён, никто с ним не сладит.

– А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, – говорит другая.

А третья молчит.

– Что же ты про своего сына не скажешь? – спрашивают её соседки.

– Что ж сказать? – говорит женщина. – Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок – за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит – любят им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается – заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

– Ну что? Каковы наши сыновья?

– А где же они? – отвечает старик. – Я только одного сына вижу!

Отомстила

Катя подошла к своему столу – и ахнула: ящик был выдвинут, новые краски разбросаны, кисточки перепачканы, на столе стояли лужицы бурой воды.

– Алёшка! – закричала Катя. – Алёшка! – И, закрыв лицо руками, громко заплакала.

Алёша просунул в дверь круглую голову. Щёки и нос у него были перепачканы красками.

– Ничего я тебе не сделал! – быстро сказал он.

Катя бросилась на него с кулаками, но братишка исчез за дверью и через раскрытое окно прыгнул в сад.

– Я тебе отомщу! – кричала со слезами Катя.

Алёша, как обезьянка, вскарабкался на дерево и, свесившись с нижней ветки, показал сестре нос.

– Заплакала! Из-за каких-то красок заплакала!
– Ты у меня тоже заплачешь! – кричала Катя. – Ещё как заплачешь!
– Это я-то заплачу? – Алёша засмеялся и стал быстро карабкаться вверх. – А ты сначала поймай меня.

Вдруг он оступился и повис, ухватившись за тонкую ветку. Ветка хрустнула и обломилась. Алёша упал.

Катя бегом бросилась в сад. Она сразу забыла свои испорченные краски и ссору с братом.

– Алёша! – кричала она. – Алёша!

Братишка сидел на земле и, загоразивая руками голову, испуганно смотрел на неё.

– Встань! Встань!

Но Алёша втянул голову в плечи и зажмурился.

– Не можешь? – испуганно спрашивала Катя, ощупывая Алёшины коленки.

– Держись за меня.

Она обняла братишку за плечи и осторожно поставила его на ноги.

– Больно тебе?

Алёша мотнул головой и вдруг заплакал.

– Что, не можешь стоять? – спросила Катя.

Алёша ещё громче заплакал и прижался к сестре.

– Я никогда больше не буду трогать твои краски... никогда... никогда... не буду!

Обидчики

Толя часто прибежал со двора и жаловался, что ребята его обижают.

– Не жалуйся, – сказала однажды мать, – надо самому лучше относиться к товарищам, тогда и товарищи не будут тебя обижать!

Толя вышел на лестницу. На площадке один из его обидчиков, соседский мальчик Саша, что-то искал.

– Мать дала мне монетку на хлеб, а я потерял её, – хмуро пояснил он. – Не ходи сюда, а то затопчешь!

Толя вспомнил, что сказала ему утром мама, и нерешительно предложил:

– Давай поищем вместе!

Мальчики стали искать вместе. Саше повезло: под лестницей в самом уголке блеснула серебряная монетка.

– Вот она! – обрадовался Саша. – Испугалась нас и нашлась! Спасибо тебе. Выходи во двор. Ребята не тронут! Я сейчас, только за хлебом сбегаю!

Он съехал по перилам вниз. Из тёмного пролета лестницы весело донеслось:

– Вы-хо-ди!..

Плохо

Собака яростно лаяла, припадая на передние лапы. Прямо перед ней, прижавшись к забору, сидел маленький взъерошенный котёнок. Он широко раскрывал рот и жалобно мяукал. Неподалёку стояли два мальчика и ждали, что будет.

В окно выглянула женщина и поспешно выбежала на крыльцо. Она отогнала собаку и сердито крикнула мальчикам:

– Как вам не стыдно!

– А что стыдно? Мы ничего не делали! – удивились мальчики.

– Вот это и плохо! – гневно ответила женщина.

Просто старушка

По улице шли мальчик и девочка. А впереди их шла старушка. Было очень скользко. Старушка поскользнулась и упала.

– Подержи мои книжки! – крикнул мальчик, передал девочке свою сумку и бросился на помощь старушке. Когда он вернулся, девочка спросила его:

– Это твоя бабушка?

– Нет, – ответил мальчик.

– Мама? – удивилась подружка.

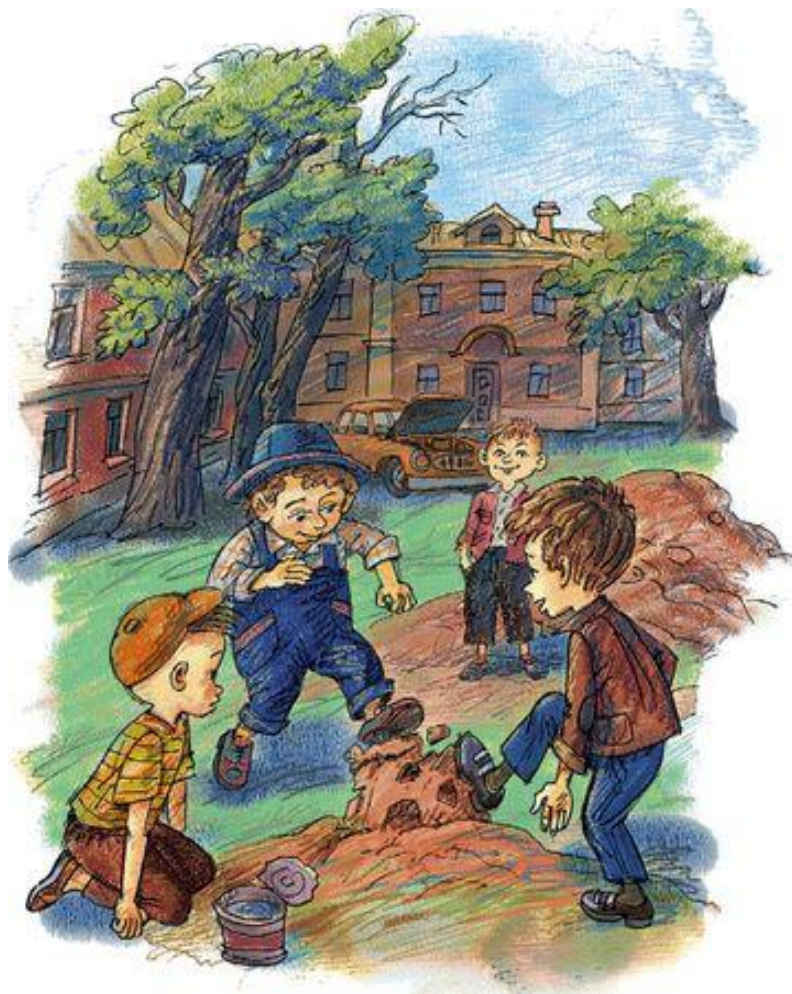
– Нет!

– Ну, тётя? Или знакомая?

– Да нет же, нет! – ответил ей мальчик. – Это просто старушка!

Строитель

На дворе возвышалась горка красной глины. Сидя на корточках, мальчики рыли в ней замысловатые ходы и строили крепость. И вдруг они заметили в сторонке другого мальчика, который тоже копался в глине, макал в жестянку с водой красные руки и старательно обмазывал стены глиняного дома.

– Эй ты, что ты там делаешь? – окликнули его мальчики.

– Я строю дом.

Мальчики подошли ближе.

– Какой же это дом? У него кривые окна и плоская крыша. Эх ты, строитель!

– Да его только двинь, и он развалится! – крикнул один мальчик и ударил домик ногой.

Стена обвалилась.

– Эх ты! Кто же так строит? – кричали ребята, ломая свежесмазанные стены.

"Строитель" сидел молча, сжав кулаки. Когда рухнула последняя стена, он ушёл.

А на другой день мальчики увидели его на том же месте. Он снова строил свой глиняный дом и, макая в жестянку красные руки, старательно воздвигал второй этаж...

На катке

День был солнечный. Лёд блестел. Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездил от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю.

Витя выделывал разные фокусы – то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

– Молодец! – крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронёсся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

– Я нечаянно... – сказал он, отряхивая с её шубки снег. – Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

– Коленку...

Сзади раздался смех.

"Надо мной смеются!" – подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

– Эка невидаль – коленка! Вот плакса! – крикнул он, проезжая мимо школьников.

– Иди к нам! – позвали они.

Витя подошёл к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, тёрла ушибленную коленку и плакала.

Чего нельзя, того нельзя

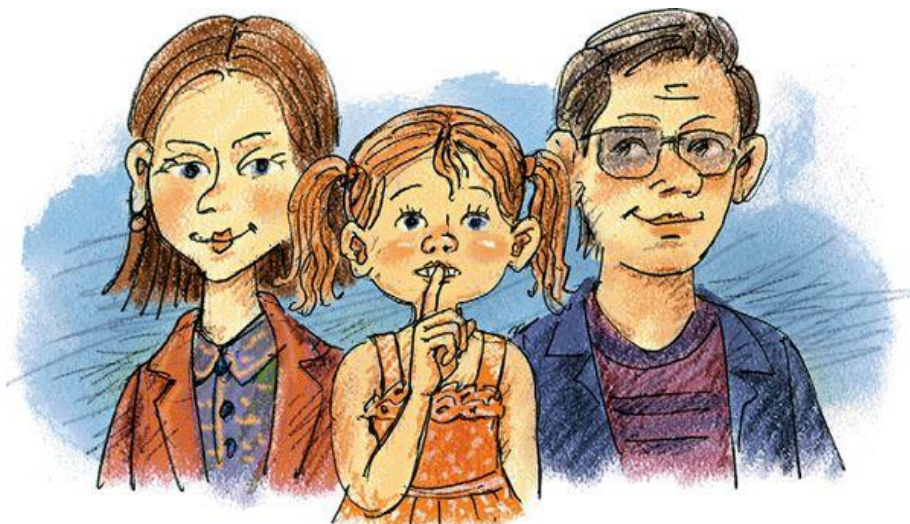
Один раз мама сказала папе:

– Не повышай голос!

И папа сразу заговорил шёпотом.

С тех пор Таня никогда не повышает голос; хочется ей иногда покричать, покапризничать, но она изо всех сил сдерживается. Ещё бы! Уж если этого нельзя папе, то как же можно Тане?

Нет уж! Чего нельзя, того нельзя!

Печенье

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Вова и Миша уселись за стол.

– Дели по одному, – строго сказал Миша.

Мальчики выгребли всё печенье на стол и разложили его на две кучки.

– Ровно? – спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки.

– Ровно. Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

– Рассыпчатые! Сладкие! – говорил Миша.

– Угу! – отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда всё печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола.

Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму – она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку – она жевала корочку хлеба...

Лекарство

У маленькой девочки заболела мама. Пришёл доктор и видит – одной рукой мама за голову держится, а другой игрушки прибирает. А девочка сидит на своём стульчике и командует:

– Принеси мне кубики!

Подняла мама с пола кубики, сложила их в коробку, подала дочке.

– А куклу? Где моя кукла? – кричит опять девочка.

Посмотрел на это доктор и сказал:

– Пока дочка не научится сама прибирать свои игрушки, мама не выздоровеет!

Кто наказал его?

Я обидел товарища. Я толкнул прохожего. Я ударил собаку. Я нагрубил сестре. Все ушли от меня. Я остался один и горько заплакал.

- Кто наказал его? - спросила соседка.
- Он сам наказал себя, - ответила мама.

Почему?

Мы были одни в столовой – я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, – мы с мамой только недавно отдавали её увеличивать. На этой карточке у папы было такое весёлое, доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я стал раскачиваться на стуле, держась за край стола, мне показалось, что папа качает головой.

– Смотри, Бум, – шёпотом сказал я и, сильно качнувшись на стуле, схватился за край скатерти.

Послышался звон... Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце.

Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни слышались быстрые шаги.

– Что это? Кто это? – Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. – Папина чашка... папина чашка... – горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упрёком спросила: – Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на её ладонях. Колени у меня дрожали, язык заплетался.

– Это... это... Бум!

– Бум? – Мама поднялась с колен и медленно переспросила: – Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав своё имя, задвигал ушами и завил хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

– Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развёл руками:

– Он немножечко подпрыгнул... и лапами...

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

– Он будет жить в будке, – сказала мама и, присев к столу, о чём-то задумалась. Её пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскрёбся у двери.

– Не пускай! – быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она всё так же о чём-то думала, потом тихо спросила: – Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай.

– Ты очень испугался? – повторила мама. Я кивнул головой и крепко обнял её за шею.

– Если ты... нечаянно, – медленно начала она.

Но я перебил её, торопясь и заикаясь:

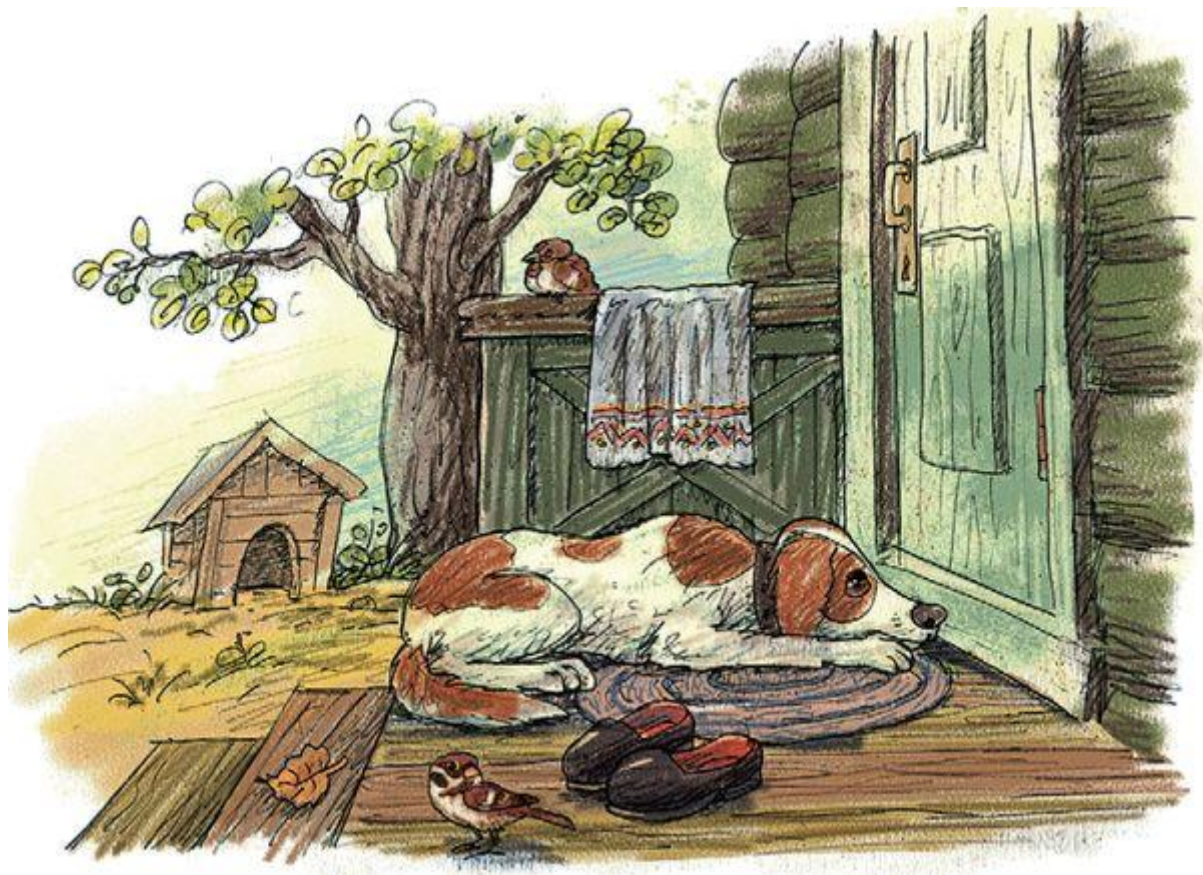
– Это не я... Это Бум... Он подпрыгнул... Он немножечко подпрыгнул... Прости его, пожалуйста!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши её порозовели. Она встала.

– Бум не придёт больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом с фотографической карточки смотрел на меня папа...

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом. Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось всё тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери и Бум останется один на всю ночь. Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробежали у меня по спине. Если б чашка не была папиной и если б сам папа был жив, ничего бы не случилось... Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное. И я боялся не наказания – я с радостью перенёс бы самое худшее наказание. Но мама так берегла всё папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул её, и теперь с каждым часом моя вина становилась всё больше.

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моём лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

– Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

– Будет дождь.

Я попросил:

– Пусти Бума...

– Нет.

– Хоть в кухню... мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слёзы и перебирая под столом бахрому скатерти.

– Иди спать, – со вздохом сказала мама.

Я разделся и лёг, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из её комнаты проникала ко мне жёлтая полоска света. За окном было черно. Ветер качал деревья. Всё самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум... Бум... Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернётся. Но папа не вернулся...

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он зевал, просил, скрёбся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери всё ещё просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в моё окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул её.

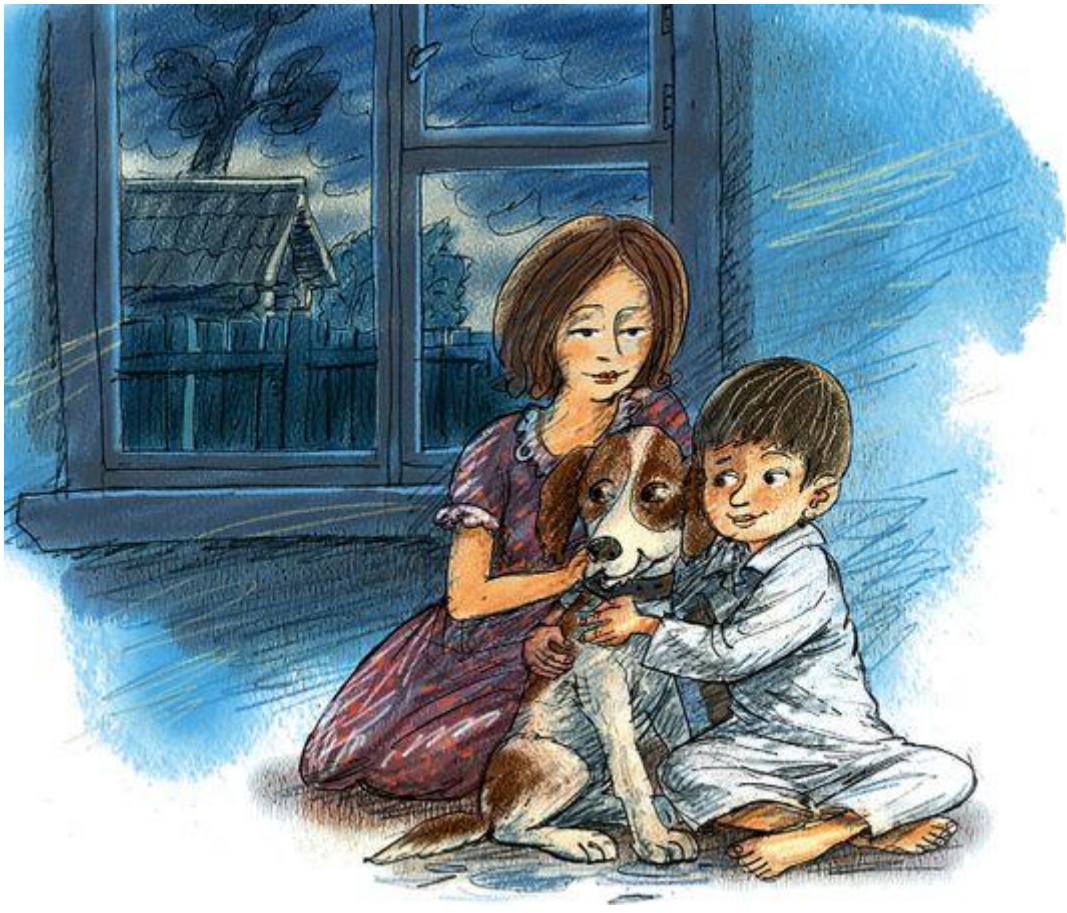
– Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял её лицо, смятый мокрый платочек лежал под её щекой.

– Мама!

Она открыла глаза, обняла меня тёплыми руками. Тоскливый собачий лай донёсся до нас сквозь шум дождя.

– Мама! Мама! Это я разбил чашку! Это я, я! Пусти Бума...

Лицо её дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я наткнулся на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слёзы, от него пахло дождём и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улёгся на своё место и, не мигая, смотрел на нас. Он думал: "Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?"

Мама долго не спала. Она тоже думала:

"Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?"

И я тоже думал, лёжа в своей кровати: "Почему мама несколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?"

В эту ночь мы долго не спали, и у каждого из нас троих было своё "почему".

Сказки

Волшебная иголочка

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у неё волшебная иголочка. Сошьёт Маша платье – само себя платье стирает и гладит. Разошьёт скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь – и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла её пуще глаза и всё-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, всю травку обшарила – нет как нет игопочки. Села Машенька под дерево и давай плакать.

Пожалел девочку Ёжик, вылез из норки и дал ей свою иголку:

– Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: "Не такая моя была".

И снова давай плакать.

Увидела её слёзы высокая старая Сосна – бросила ей свою иголку:

– Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу. Идёт, слёзы утирает, а сама думает: "Не такая эта иголочка, моя лучше была".

Вот повстречался ей Шелкопряд, идёт – шёлк прядёт, весь шёлковой ниткой обмотался.

– Возьми, Машенька, мой шёлковый моточек, может, он тебе пригодится.

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

– Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живёшь, давно шёлк прядёшь, золотые нитки делаешь из шёлка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой...

– Иголка твоя, Машенька, у Бабы-яги – костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрёно достать её оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-яга – костяная нога живёт.

Рассказал ей всё Шелкопряд:

– Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке да по колючкам,

По овражкам да по болотцу

До самого старого колодца.

Там и птицы гнёзд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих ножках,

Сама Баба-яга сидит у окошка,

Вышивает себе ковёр-самолёт,

Горе тому, кто туда пойдёт.

Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,

Возьми лучше моточек шёлку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шёлку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

– Не ходи, Машенька, не ходи!

У Бабы-яги избушка на курьих ножках,

На курьих ножках в одно окошко.

Сторожит избушку большая Сова,

Из трубы торчит Совиная голова,

Ночью Баба-яга твоей иголкой шьёт,

Вышивает себе ковёр-самолёт.

Горе, горе тому, кто туда пойдёт!

Страшно Машеньке к Бабе-яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе тёмную тучку,

Повела её тучка

По крапиве да по колючкам

До самого старого колодца,

До зелёного мутного болотца,

Туда, где жабы да змеи живут,

Туда, где птицы свои гнёзда не вьют.

Видит Маша избушку на курьих ножках,

Сама Баба-яга сидит у окошка,

А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова, да как захоает, закричит на весь лес:

– Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у неё ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у неё, как фонари, светятся, один жёлтый, другой зелёный, всё от них кругом жёлто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

– Позволь, Совушка, Бабу-ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, захоала, а Баба-яга ей из окошка кричит:

– Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет!

И говорит она девочке так ласково:

– Входи, Машенька, входи!

Я сама тебе все двери открою,

Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжёлый замок висит, на третьей – литая цепь.

Бросила ей Сова три пёрышка.

– Открой, – говорит, – двери да входи поскорее!

Взяла Машенька одно пёрышко, приложила к засову – открылась первая дверь, приложила второе пёрышко к замку – открылась вторая дверь, приложила она третье пёрышко к литой цепи – упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковёр лежит, на нём крылья шёлком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута.

Бросилась Маша к иголочке, а Баба-яга как ударит помелом об пол, как закричит:

– Не трогай мой ковёр-самолёт! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковёр, за жарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-яга, шьёт и приговаривает:

– Девчонка, девчонка, завтра ночью
Ковёр дошью да с Совушкой-Совой попирую,
А ты гляди, чтобы избу подмела
И сама бы в печке была!

Молчит Машенька, не откликается,
А ночка чёрная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-яга, а Машенька скорей села ковёр дошивать. Шьёт она, шьёт, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаща вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо – возвратилась Баба-яга и спрашивает:

– Сова моя, Совушка,
Хорошо ли ты ела и пила?
Вкусная ль девчонка была?
Застонала, заохала Сова:
– Не ела, не пила Совиная голова,
А девчонка твоя живёхонька-жива.
Печку не топила, себя не варила,
Ничем меня не кормила.

Вскочила Баба-яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:

– Вынь иголочку сосновую,
Положи на ковёр как новую,
Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-яга, а Машенька скорей за дело принялась: шьёт-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

– Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

– Сова моя, Совушка,
Плохо печь разгорается.

А сама дрова кладёт, огонь разжигает.

А Сова опять:

– Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

– Не кипит вода в котле.

Стоит котёл на столе.

А сама ставит на огонь котёл с водой и опять за работу садится. Шьёт Машенька, шьёт, так и бегают иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

– Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошёл дым к Сове.

– Девчонка, девчонка! – кричит Сова. – Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

– Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

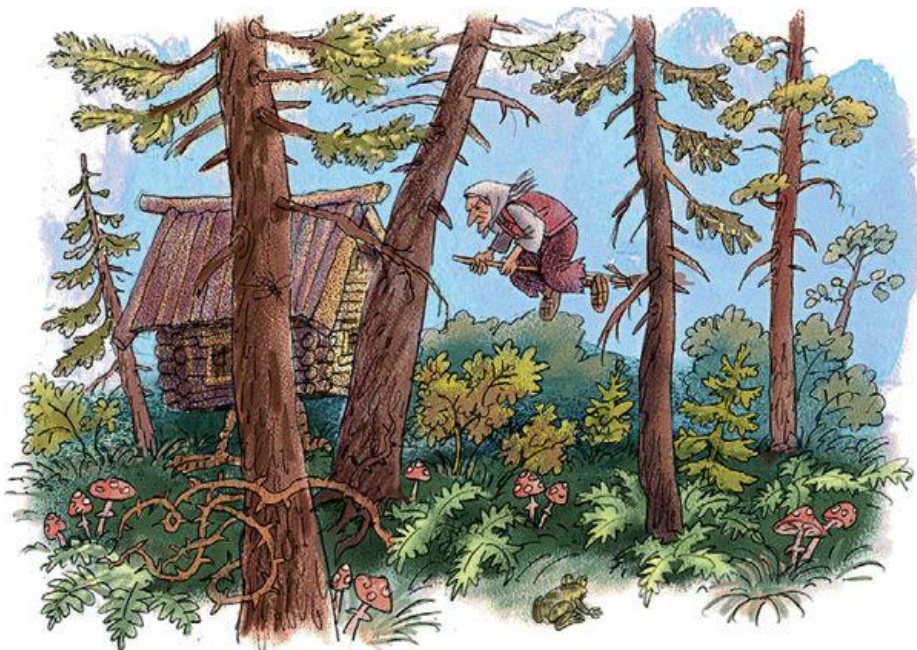
А сама всё шьёт да шьёт, уж один стебелёк ей остался.

Вынула у себя Сова пёрышко и бросила ей в окошко:

– На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

– Сова моя, Совушка, зайди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и в котёл угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковёр дошивать. Как вдруг задрожала земля, зашумело всё вокруг, вырвалась у Маши из рук иглочка:

– Бежим, Машенька, скорей,
Открывай трое дверей,
Бери ковёр-самолёт,
Беда на нас идёт!

Схватила Машенька ковёр-самолёт, открыла Совиным пёрышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковёр дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит, переливается шёлковый моточек ниток, совсем немножко остаётся дошить Маше.

А Баба-яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

– Сова моя, Совушка,

Где ты гуляешь,

Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котёл, взяла большую ложку, ест и похваливает:

– До чего девчонка вкусна,

До чего похлёбка жирна!

Съела она всю похлёбку до самого доньшка, глядит – а на доньшке Совиные пёрышки! Глянула на стенку, где ковёр висел, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чём дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

– Я тебя, я тебя

За Совушку-Сову

В клочки разорву!

Села она на своё помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником прищипывает.

А Машенька под Сосной сидит, шьёт, торопится, уж последний стежок ей остаётся. Спрашивает она Сосну высокую:

– Сосна моя милая,
Далеко ли ещё Баба-яга?

Отвечает ей Сосна:

– Пролетела Баба-яга зелёные луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Ещё пуще торопится Машенька, уж совсем ей немного остаётся, да нечем дошить, кончились у неё нитки шёлковые. Заплакала Машенька. Вдруг откуда ни возьмись – Шелкопряд:

– Не плачь, Машенька, на тебе шёлку,
Вдень мою нитку в иголку!

Взяла Маша нитку и опять шьёт.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковёр-самолёт расстелила, только сесть на него остаётся.

А Баба-яга уже с земли поднимается. Бросила в неё Маша ежиную иголку: прибежал старый Ёж, кинулся Бабе-яге в ноги, колет её своими иголками, не даёт с земли встать. А Машенька тем временем на ковёр вскочила, взвился ковёр-самолёт под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

Добрая хозяйюшка

Жила-была девочка. И был у неё петушок. Встанет утром петушок, запоёт:

– Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяйюшка!

Подбежит к девочке, поклюёт у неё из рук крошки, сядет с ней рядом на завалянке. Пёрышки разноцветные словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отликает. Хороший был петушок!

Увидала как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

– Отдай мне курочку, а я тебе своего петушка отдам!

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего – сама хозяйюшка отдаёт.

Согласилась соседка – дала курочку, взяла петушка.

Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тёпленькая, что ни день – свежее яичко несёт.

– Куд-кудах, моя хозяйюшка! Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмёт курочку на колени, пёрышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает. Только раз приходит в гости соседка с уточкой. Понравилась девочке уточка. Просит она соседку:

– Отдай мне твою уточку – я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила пёрышки, опечалилась, да делать нечего – сама хозяйюшка отдаёт.

Стала девочка с уточкой дружить. Ходят вместе на речку купаться. Девочка плавёт – и уточка рядышком.

– Тась-тась-тась, моя хозяйюшка! Не пльиви далеко – в речке дно глубоко!

Выйдет девочка на бережок – и уточка за ней.

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведёт. Увидала девочка:

– Ах, какой щеночек хорошенький! Дай мне щенка – возьми мою уточку!

Услыхала уточка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял её сосед, сунул под мышку и унёс.

Погладила девочка щенка и говорит:

– Был у меня петушок – я за него курочку взяла; была курочка – я её за утку отдала; теперь утку на щенка променяла!

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

– Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружбой дорожить.
Проснулась девочка – никого у неё нет!

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя